

Социальная архаизация: экспликация, операционализация, концептуализация*

В.И. Пржиленский, И.Б. Пржиленская

В статье анализируется ситуация, складывающаяся в пространстве социально-теоретического знания, когда все отчетливее становится неспособность прежних социологических теорий корректно объяснить и эффективно прогнозировать особый тип социальных изменений, именуемых архаизацией. Между тем изменения этого типа все более явно проявляются в жизни современных обществ и нуждаются в совершенствовании концептуального аппарата, позволяющем устранить несоответствие между наблюдаемыми фактами и устоявшимся социально-теоретическим знанием. Рассматриваются возможности углубления и совершенствования постулатов веберовской теории социальной рационализации с целью объяснения архаизации и поиска в движении от модерна к архаике рациональных оснований. Особого рассмотрения удостоивается вхождение понятия архаического в бинарные оппозиции, затрудняющие безоценочные интерпретации процесса социальной архаизации и препятствующие ее объективному и научному изучению, а также поиску возможностей управления ею. Анализируется возможная связь социальной архаизации с техническим прогрессом, показывается взаимосвязь и взаимная обусловленность модернизационных и архаизационных изменений в обществе. Определяются условия концептуализации, экспликации и операционализации понятия социальной архаизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: архаизация, модернизация, архаика, адаптация, социальные изменения, рационализация.

ПРЖИЛЕНСКИЙ Владимир Игоревич – Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, 125993, Садовая-Кудринская ул., дом 9.

Доктор философских наук, профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

vladprnow@mail.ru

ПРЖИЛЕНСКАЯ Ирина Борисовна – Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, улица Малая Пироговская, д. 1, стр.1.

Доктор социологических наук, заведующая кафедрой культурологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

prz-irina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2018 г.

Цитирование: *Пржиленский В.И., Пржиленская И.Б. Социальная архаизация: экспликация, операционализация, концептуализация // Вопросы философии. 2019. № 5. С.37–48.*

*Статья была написана как часть научно-исследовательского проекта 29.4813. 2017/ 8.9 Министерства образования и науки РФ.

© Пржиленский В.И., Пржиленская И.Б., 2019 г.

Введение

Архаизация — это термин, которым сегодня обозначают самые разные процессы и явления. Намеренное движение людей к прошлому, стремление отказаться от современности, признать ее ошибкой или даже злом — явление не новое. Представления о «золотом веке» и «потерянном рае» характерны для всех без исключения древних культур и являются родовым признаком мифологического миропонимания. Но сегодня все меньшее количество людей являются членами сообществ, абсолютно неза тронутых модерном. А модерн — это всегда поиски своего места в будущем, необходимость чего остро ощущается в современном стремительно меняющемся мире. И поиски эти, вопреки всем расхожим мнениям, носят отчетливо рациональный характер, независимо от того, являются ли их результаты похожими на ставшие уже хрестоматийными самоописания этапов социальной эволюции европейских обществ.

Со времен эпохи Просвещения в теории, идеологии и общественном мнении понятие социального модерна связано с идеями прогресса, свободы, демократии, права, гражданского общества и т.п. При этом процесс перехода от традиционного к современному обществу оценивается, благодаря М. Веберу, как рационализация, тогда как движение вспять, к прошлому несомненно должно носить иррациональный характер.

Между тем стремление избавиться от не прошедших проверку временем или принудительно навязанных черт социального и культурного миропорядка вовсе не так уж и иррационально. Особенно если само существование этих институтов переживается и осознается как препятствие на пути к нормализации социальной жизни, а то и как угроза самому выживанию. При этом отказ от модерна может быть как явным и даже декларируемым, так и скрытым, латентным. Разумеется, в случае явного пересмотра стратегии общественного развития в корне изменятся содержание социального самоописания и даже его словарь, тогда как во втором по-прежнему декларируется приверженность институтам и ценностям модерна, но в действительности можно наблюдать лишь их имитацию. Декларируемая архаизация объявляется социально значимой целью в случае радикального неприятия современности по конфессиональным, этическим, эстетическим, социально-политическим причинам или же их сочетанию. Недекларируемая архаизация, как правило, есть результат неспособности достичь поставленной цели средствами, соответствующими стандартам модерна и его же запретам.

Понятие архаики в бинарных оппозициях философского анализа: возможности и границы «безоценочного» описания модерна

Термин «архаизация» все еще имеет ограниченное распространение. Гораздо охотнее теоретики используют понятие архаики, которое позволяет только фиксировать некие явления, но не включать их в процессуальные схемы. В целях экспликации понятия «архаика» следует отметить, что этот термин впервые возникает в истории искусств и по сей день активнее используется искусствоведами, культурологами и историками, нежели социологами или политологами. Даже философские дискурсы включают понятие архаики для установления, фиксации и описания явлений, имеющих отношение к сфере культуры. Как правило, это констатация желаний людей «вернуться» к культурным традициям, «возродить» забытые обычаи, «укрепить» расшатавшиеся нравы, «читать» устои, «соблюдать» ритуалы и т.п.

«Сейчас искусственно созданные модели интерпретации прошлого,— пишет Ж.Т. Тощенко, — отмечены этноцентризмом, эмоциональной окрашенностью и, будучи поддержаны массовым сознанием, стимулируют мышление по аналогии; их авторы пытаются объяснить современные проблемы с "методологических" позиций концептуальной и мировоззренческой архаики, что иногда причудливым образом уживается с самыми различными научными теориями» [Тощенко 2000, 5]. Несомненно, сказанное справедливо. Но только ли в культуре, в духовной жизни людей можно наблюдать явления, которые можно было бы обозначить как архаичные? Может быть, сфера культурно-символического на смысловом уровне выражает суть процессов, происходящих в области собственно социальной, политической или эконо-

мической жизни общества? И процессы эти, если не предшествуют культурному, то как минимум протекают параллельно, взаимно детерминируя друг друга?

В исторической науке последних двух столетий неоднократно фиксировались случаи кризисов в развитии отдельных обществ или наций, приводивших к остановке в их развитии, отклонению от следования по «магистральному пути мировой цивилизации». Это были случаи, для квалификации которых социологами и экономистами чаще всего использовались такие слова как «девиация», «застой», «замедление», «возврат к прошлому» и даже «деградация». Политологи противопоставляли естественному развитию демократических институтов их авторитарное подавление или тоталитарное уничтожение, в результате чего родилась оппозиция понятий диктаторского режима и открытого (или гражданского) общества. Любопытно замечание американского генерала о способах борьбы с теми, кто стремится вернуть прошлое. «Мы не можем, — утверждает М. Флинн, — победить в этой войне, относясь к радикальным исламским террористам как к кучке безумцев. <...> Необходимо разрушить политические и теологические основы их аморальных действий» [Flynn, Ledeen 2016, 177]. Так, поиски новейших средств противодействия экстремизму приводят к теологии: модернизация неожиданно встречается с архаизацией. Но цель социальной архаизации состоит не в возврате к прошлому как таковому, а в восстановлении поглощенных современным структур и институтов, ценностей и символов, которые кажутся кому-то более справедливыми, эффективными или значимыми. При этом результат социальных изменений, будь то архаизация или же модернизация, никогда не совпадает с целями тех, кто пытается их планировать или же ими управлять [Приженский 2012].

Объяснение социальной архаизации как в общем-то культурного явления дал А.С. Ахиезер, впервые введший данный термин в концептуальное пространство обществознания. Ему же, видимо, принадлежит и первая дефиниция введенного им термина. «Архаизация, — писал А.С. Ахиезер, — результат следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей. Архаизация выступает как форма регресса, в которой программы деятельности носят специфический для догосударственного общества характер, связанный с доосевой культурой, с господством чисто локальных миров, где отношения основаны на эмоциях людей, чей кругозор ограничивался лично знакомыми членами локального сообщества, не знавшими развития как культурной ценности» [Ахиезер 2001, 188–189].

Возникновение культуроцентризма или цивилизационного подхода, поставившее под сомнение идею единого пути, радикально не изменило ситуацию в обществознании, которое было и остается европоцентристским. Все рассуждения о развитии неизбежно вовлекали в оборот термины «модерн» и «модернизация», а на роль концептуальных оппозиций вполне подходили понятия, получаемые при помощи простого отрицания существенных признаков исходных понятий. Так в пространство социологического и экономического теоретизирования были введены термины «антимодерн» и «демодернизация». Но при этом смысл дихотомии модернизация — архаизация всегда остается прежним. Это можно продемонстрировать на примере описания альтернатив будущего для России, сделанного более десяти лет назад. «Сегодня, — писала В.Г. Федотова, — может быть два ответа на угрозу распада России: архаизация, одеревенщивание России, укрепляющие исламско-православный союз; модернизация, ставящая перед обществом новые совместные цели, поворачивающая не только русское, славянское, христианское, но и исламское население к Западу» [Федотова 2005, 300–301].

Из всего вышесказанного следует заключить, что социальную архаизацию необходимо отличать от архаизации этической, осуществляемой во имя ценностей и идеалов, утративших свою непреложную силу под влиянием рационализации общества или же его усложнения. Целесообразно также отличать ее и от архаизации эстетической, которая осуществляется во имя преодоления художественной усталости от модерна, образной обедненности рационализма или индустриализма. Сюда же относится и постмодернистский голод, рожденный потребностью все нового смешения всего

и вся, вызванный к жизни естественным, хотя и заведомо невыполнимым намерением сохранить смыслы в условиях крушения системы смыслообразования. В той же степени социальная архаизация нетождественна и сопротивлению реформам, то есть противостоянию модернизации — для этого гораздо лучше подходят такие термины как «демодернизация», «консервация», «реакция» или даже «реставрация».

Демодернизация российской экономики стала предметом анализа в исследованиях Г.А. Явлинского, что нашло отражение в опубликованной им монографии о политических последствиях экономической демодернизации [Явлинский 2003]. Но при этом об архаизации речи не идет — расставание с модерном, его политико-правовыми и хозяйственно-экономическими институтами оказывается равнозначным простому удалению этих самых институтов, а социальная, политическая и экономическая жизнь без них происходит сама собою, как будто остальные институты, возникшие до модерна и не относящиеся к нему никуда не девались, продолжали функционировать или же хранились обществом «про запас» в специально отведенном складском помещении.

По данным социологического центра Российской академии госслужбы при Президенте РФ от 26 апреля 2011 г. понять и оценить действия властей неспособны 58% населения России. При этом в Калужской области доля такого населения достигает 84%. В Республике Татарстан — 75,7%, Республике Мордовия — 83%. Показательно для выявления процессов архаизации в регионах соотношение ценностей коллективизма и экономических, политических свобод. Так, в Москве политические и экономические свободы крайне актуальны для 27% граждан, а коллективизм — для 19,7%. В Чеченской республике, Брянской и Калининградской областях ценности свободы выходят на первый план у более чем половины населения. Ценность коллективизма в Калининградской распространена у 38% опрошенных, существенно меньше большинства регионов России. Таким образом, вовлеченность в процессы архаизации в регионах России существенно различается. Наименее включены в нее Калининградская, Московская и Нижегородская области. Наиболее полно вовлечены Республика Саха, Чеченская республика, Краснодарский край. В этих регионах, по данным приведенного исследования, доминируют неформальные персонифицированные социальные взаимодействия над институциональными, а рационально рефлекслируемый концепт реальности, характерный для модерна, замещен коллективными архетипическими образами мировосприятия.

Архаика активно вторгается в процессы функционирования политических структур и институтов, что позволяет говорить об архаизации сферы политической жизни. Но это все та же социальная архаизация, которую иногда называют информализацией, задавая тем самым критерии модерна, которые, скорее, ориентируются на Г. Зиммеля, чем на М. Вебера. «Под архаикой, — пишут М.М. Лебедева, М.В. Харкевич, Е.С. Зиновьева, Е.Н. Копосова, — понимается состояние общества до модерна, т.е. до складывания формальных, безличных институтов, в том числе государственных. Архаизация государства или общества в целом означает возврат к неформальным институтам и практикам» [Лебедева, Харкевич, Зиновьева, Копосова 2016, 26].

Латентные признаки архаизации: опыты операционализации

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что дать определение понятию архаизации непросто, но еще сложнее его операционализировать. Однако можно уже сейчас назвать существенные признаки, позволяющие безошибочно определить, что результаты наблюдений относятся к числу явлений данного класса. Они могут быть приняты, по крайней мере на данном этапе, в качестве индикаторов, отличающих архаизацию социальных практик от структурной дисфункции, деградации институтов или коррупционного поведения.

Первый признак — это такое изменение практики управления, при котором игнорируются нормы и принципы разделения полномочий между вышестоящими и нижестоящими инстанциями. Еще М. Вебер видел в четком разделении труда и ответственности признак рационализации института управления. «Когда принцип юрисдикционной

"компетентности" полностью выполняется, — писал М. Вебер, — иерархическая субординация, по крайней мере на государственной службе, не означает, что "вышестоящие органы" заняты только тем, чтобы перехватить контроль над работой нижестоящих. На самом деле действует противоположное правило; когда работа хорошо налажена, обязанности всегда будут возлагаться на кого-то нового, если открывается вакантная должность» [Weber 1968, 956]. Формальное разграничение полномочий и ответственности вступает в противоречие с эффективностью в условиях изменения целеполагания сложных систем и их неспособности перестроиться под новое целеполагание. Архаизация заключается в том, что работа системы осуществляется в режиме «ручного управления» — у нижестоящих органов не хватает полномочий, которые у них вынуждены забирать вышестоящие органы.

Показателем архаизации здесь является принципиальная невозможность локализовать управленческие практики в нормативные границы статусно-ролевой позиции. Эмпирически это выражается в неспособности управленца определить оптимальную нормативную среду для достижения целей и задач своего иерархического уровня, не говоря уже о всей управленческой организации.

Вторым индикатором социальной архаизации является заметный рост влияния архаичных и домодерновых институтов в условиях их сосуществования с институтами модерна. В этом случае институты модерна начинают массово имитироваться, при их функционировании соблюдаются только формальные требования процедуры при молчаливом согласии участников и наблюдателей [Латов, Латова 2012].

Маркеры социального участия производятся узким кругом экспертов и ими же интерпретируются. Например, что есть защита прав человека или их нарушение, где социальная активность является проявлением гражданского общества, а где экстремизмом, решается через частное ситуативное мнение «избранных» без соотнесения с сущностью институтов права, гражданского общества и др. Но само по себе социальное участие может проявляться и в формах, которые должны быть отнесены к архаичным. Например, процесс самоидентификации, происходящий с применением самых современных информационных и педагогических технологий, свертывает индивидуальное и коллективное сознание в ситуацию неизбежных противоречий и неявной фрагментарности.

Третьим признаком социальной архаизации является возврат к принципам функционирования традиционных сообществ, их деформализация. При этом наблюдается персонализация профессиональных отношений, возврат к архаичным патерналистским практикам межличностных взаимодействий во все еще считающихся формальными организациях. Речь идет о фактической легитимации межличностных связей, основанных на родстве, землячестве, кумовстве, что приводит к комплиментарности при распределении поручений, прибыли, власти, продаже или передаче по наследству должностей, ресурсов, функций. То, что в обществе модерна воспринимается как криминал и коррупция, в условиях архаизации превращается в нормальную практику и, что особенно существенно, воспринимается общественным мнением как социальная норма или даже как неизбежное, то есть квазиприродное явление.

Эмпирически это проявляется в общественном мнении, когда обоснование доверия к социальным институтам эксплицируется из оценки отдельных личностей, ассоциирующихся с институтом. Функционирование органа управления воспринимается населением не как организационная среда, а исключительно пространство воли, в котором кристаллизуются личностные качества политических или экономических акторов.

Четвертым индикатором социальной архаизации может считаться снижение роли экономического и рост значения внеэкономического принуждения, что особенно выражено в секторе экономики, являющемся государственным или зависимым от него.

Вес экономических стимулов снижается, вместе с тем повышается актуальность авторитетности как условия доступа к благам. Борьба за символический авторитет поглощает и экономические взаимодействия. Агенты экономических отношений оценивают шансы на успех с позиции победы имиджа. Тогда как социальное пространство структурируется не институциональной средой, а способностью агентов поддерживать и усиливать неформальные социальные связи.

И, наконец, пятым признаком социальной архаизации следует признать коллективное обращение к прошлому в поисках будущего. Желание соединить прошлое и будущее может возникать либо в процессе отрицания настоящего, либо как констатация его исчезновения. М. Мид в свое время ввела понятия префигуративного, фигуративного и постфигуративного обществ [Mead, Wolfenstein 1955]. Она характеризовала фигуративный и постфигуративный типы как общества, в которых отсутствует непосредственный каждодневный контакт со старшими поколениями, что приводит к поиску новых целей, ценностей и смыслов, формирующих социальные практики. В таких обществах молодые учатся друг у друга и даже способны, в условиях постфигуративного общества, обучать старших. Архаизирующееся общество также изменяется и в этом смысле является отчасти фигуративным, отчасти постфигуративным. Но, в них, в отличие от обычных модернизирующихся, новые нормы и образцы поведения рождаются в условиях реконструкции более отдаленного прошлого. При этом цели, ценности и смыслы реконструируемого «старого нового общества» отчасти действительно восстановлены, отчасти придуманы. В сознании граждан фиксируется установка на сакрализацию прошлого, в котором они стараются найти код, программу, тотально и непреодолимо определяющую будущие изменения общества.

Архаизация как цель и как средство: поиски новой оптики

Однако благодаря глобализации, массовой миграции, сравнимой лишь с великим переселением народов, а также ценностной эволюции элит в тех обществах, где наука превратилась в социальный институт, стала очевидна недостаточность «европоцентричной» и «прогрессистской» оптики. Во многом этому способствовало развитие *cultural studies* на Западе и культурологии в России, когда все большее влияние стали привлекать внимание факты сосуществования в едином социальном пространстве явлений, имеющих все признаки модерна с отчетливыми знаками архаики. Более того, помимо тех архаических структур, институтов и ценностей, которые теоретики были склонны рассматривать как случайно задержавшиеся или своевременно не исчезнувшие, архаика проникает и в структуру, и в содержание целеполагания. И в повседневной жизни, и в большой политике эффекты модерна, называемые «Лабораториями футуристического проектирования» уступают место эффектам, именуемым «Клубами исторической реконструкции» [Пржиленский 2016].

Становится все более очевидным, что поиски лучшей жизни вновь обратились в прошлое. Для автора, сформировавшегося в эпоху, когда будущее воспринималось как разрыв с прошлым (революционно), либо как продолжение прошлого (эволюционно), эта ситуация выглядит как качественно иная, новая, неожиданная. Архаизация оказалась процессом, который нельзя свести ни к чистому отрицанию, ни к простому возвращению к традициям, память о которых случайно сохранилась в умах и сердцах людей. Между тем именно так об архаизации пишут современные исследователи, нередко ставя знак равенства между архаизацией и неотрадиционализмом. «Архаизация рассматривается нами как процесс стихийного, неосознанного массового обращения к архаическим культурным смыслам и социальным практикам, который возникает в ряде обществ в условиях кризиса модернизационного развития. Наиболее ярко подобный процесс мы наблюдали и продолжаем наблюдать прежде всего в России и других странах постсоветского пространства» [Ламажаа, Абдулаева 2014, 68].

В отличие от архаизации о неотрадиционализме как о явлении говорили и писали достаточно давно. Так, Э. Уалдер, исследовавший трудовую и административную этику в коммунистическом Китае в период активной экспансии американского капитала в некапиталистическую экономику, писал о том, что социальные практики китайского общества основаны на авторитарной власти и внеэкономическом принуждении. Это явление он обозначил как коммунистический неотрадиционализм и в его мысли прослеживается сходство с описанием коммунизма у А.А. Зиновьева. «Центральное место в концепции неотрадиционализма, — пишет Э. Уалдер, — занимает представление о том, что с момента установления коммунистического режима политическая лояльность систематически вознаграждается возможностью карьерного

роста, специального доступа к разнообразным ресурсам, которые чиновники в коммунистических обществах могут беспрепятственно распределять» [Walder 1984, 6].

Но в том-то и дело, что неотрадиционализм, несмотря на все многообразие его проявлений, представляет собой всего лишь один из видов архаизации, причем не самый существенный. Более того, нередко то, что кажется стихийным и неосознанным, оказывается насильственным и навязываемым. Как отмечает В. Заславский, описывающий процессы в постсоветском обществе, «практика натурализации потребления, которая все больше полагается на сеть родства и дружбы и пытается достичь устремлений современного общества средствами, характерными для традиционных обществ, была точно названа “принудительным традиционализмом”. Это одновременно снижает зависимость от государства и создает условия для будущей архаизации общества» [Zaslavsky 1995, 78].

Нередко архаизация в виде неотрадиционализма относится к сугубо внешним проявлениям жизни и скорее вызывает интерес у специалистов по эстетике, моде, ритуалу. Но в действительности архаизация может наполнять собою все модусы социальной реальности, она может стать содержанием любого из уровней или элементов системы социального действия [Пржиленская 2012, 85]. Для этого надо обратиться к анализу в категориях внешнего и внутреннего или даже в категориях формы и содержания. Внешние формы социально одобряемого или же запрещаемого поведения, участия в символических и ритуальных действиях могут изменяться, обновляться или возвращаться, не производя на их исполнителей никакого влияния. Внешние проявления лояльности как условия выживания не исключают внутренней нелояльности или же безразличия. Символическая модернизация общественной жизни не всегда уничтожает прежнюю архаичную ментальность. Если человек всегда верил в духов, но не практиковал традиционные формы общения с ними, то возобновление подобных практик можно рассматривать и как архаизацию, и как неотрадиционализм, а можно и как социальную индивидуализацию, когда человек оказался в условиях свободного выбора картины мира, в том числе и потустороннего. И тогда, проживая в одном доме с учеными и инженерами, чье мышление перегружено самыми современными научными знаниями о мироустройстве, он спокойно может стать приверженцем верований, которые религиоведы относят к ранним формам религии. Но при этом с ментальной жизнью ничего особенного не происходит — несмотря на все «познания», которые явились результатом освоения школьной программы, этот человек воспринимал их как мало значимую информацию, ничуть не исключаящую архаичные представления о существовании посмертного воздаяния, предопределенности, потусторонних сил и т.п. Более того, немало случаев, когда древние магические практики притягивали и притягивают интеллектуалов и искателей духовной жизни. Но рядом с представлениями о природе и судьбе сосуществуют и ценности, а также и границы допустимой жестокости, способность моральной оценки, также «измеряемая» по шкале архаика — модерн.

Мобилизационная сила архаики

Зачастую архаизация, понимаемая как неотрадиционализм, используется исключительно как средство заполнения вакуума, как средство мобилизации, не представляя при этом собой сколько-нибудь самостоятельной ценности и не имеющая самостоятельного смысла. «Архаика выступает,— пишет М.Т. Степанянц, — не как самоцель, а как мобилизационная сила в проведении модернизации без утраты национальной идентичности. Возможные результаты могут быть как положительными (ускорение экономического роста и выход в авангард экономически мощных мировых держав), так и отрицательными (утверждение диктаторского режима, опирающегося на индусский национализм). Архаизация современного социально-политического пространства вызывается одновременно внутривнутриполитическими причинами и кризисом глобалистской модели модернизации» [Степанянц 2016, 37].

Для того чтобы не запутаться в многообразии проявлений архаического в действиях, направленных на модернизацию, можно обратиться к ситуациям, в которых архаическое, давно канувшее в Лету истории, называется целью и таковою является в

действительности. Лидеры печально известной террористической организации, названной ими Исламским государством, не квалифицируют свой путь как архаизацию. Но их призыв читать Коран и действовать так, как действовали мусульмане во времена пророка, несомненно, означает архаизацию. При этом само объяснение священных для мусульман текстов осуществляется при помощи архаичных средств и методов интерпретации, в свое время отвергнутых европейской наукой. Отказ от историзма, критицизма, контекстуализма и других достижений герменевтики, дает неожиданный эффект, позволяющий adeptам террористической организации получить конкурентные преимущества в области теологии и идеологии. Получив на руинах разрушенных государств контроль над территориями и проживавшими там людьми, они воплощали свои идеи в этих новых-старых формах социальности, совершая с точки зрения остальных чудовищные преступления, вызывающие неисчислимые страдания людей, оказавшихся в этом «воскрешенном» мире прошлого неверными и потому виновными.

Многочисленные секты и движения поздней античности и средневековья, направленные на перестройку социальных институтов и ценностей, с одной стороны, и история утопической мысли, с другой, позволяют судить о масштабности попыток предугадать будущее и повлиять на него. Но именно в XX в. идея перестройки структур и институтов существующего общества оказывается актуальной, а сам процесс проектирования вынужденным и неизбежным: слишком легко рушатся социальные порядки, слишком быстро обесцениваются прежние ценности. Как отмечает В.Г. Федотова, «сегодня общий модернизационный проект сталкивается с более глубокой архаизацией, начавшейся в 1990-е годы, с отставанием многих республик и областей от задач развития и тем более модернизации, нередко понимаемых как архаизация, так что общий проект не в состоянии охватить разбредшуюся по своим архаическим началам часть страны, не имеющую недр с нефтью и газом, и поднимает только регионы богатые, но не за счет модернизации. Модернизация стала идеологемой, не касающейся большинства населения и непонятной ему» [Федотова 2016, 29].

Но почему-то все социальные проекты и утопии, обращенные к будущему, удивительно и неизбежно приводят к прошлому: как будто проявляется интуитивное стремление творцов и мечтателей к обретению утраченного рая. Будущее видится им как наполненное самой немислимой техникой, воплотившее в жизнь самые смелые фантазии изобретателей, знаменующие полную власть человека над природой, в том числе и своей собственной. Но при этом социальная жизнь не только не усложняется, а напротив, как будто исчезает. Все становятся творцами, свободными и независимыми друг от друга, хотя и сосуществующими друг с другом. И во всех таких картинах с разной степенью отчетливости проглядывает первобытное племя свободных и независимых охотников-собирателей, отношения которых один лишь марксизм честно называет коммунистическими, подчеркивая генетическую и сущностную связь с первобытным коммунизмом.

Модернизация, архаизация и техника

Отношение к технике во все времена было предметом споров и разногласий. На нее возлагались и возлагаются надежды в рациональных обществах, сформировавшихся в Новое время в процессе индустриализации. В то же самое время в традиционных обществах к техническим инновациям относятся значительно более настороженно, видя в них скорее угрозу, нежели источник позитивных социальных изменений. Но сегодня, когда в обществах разного типа все острее ощущаются эффекты социальной гибридизации, вызванные глобализацией, миграцией, консьюмеризацией, архаизацией и «постмодернизацией», радикально изменяется отношение к технике, эволюционирует и ее значение в интересующем нас жизненном мире. Оказалось, что технические инновации содержат в себе возможность движения в самых разных направлениях: вместо усложнения и прогресса техника может приводить к социальному, моральному и политическому регрессу. Как отмечают М.М. Лебедева, М.В. Харкевич, Е.С. Зиновьева, Е.Н. Копосова, «в схему архаизации государства...

необходимо добавить еще один компонент — интернет, который является, по сути, триггером неконтролируемого демократического транзита снизу. В условиях экстрактивного государства и отсутствия единой национальной идентичности он может способствовать архаизации государства. События "арабской весны" (и особенно случай Ливии) доказывают это» [Лебедева, Харкевич, Зиновьева, Копосова 2016, 30].

Переосмысливается понимание роли социальной технологии в жизни человека и общества, и одним из контекстов данного переосмысления становится протест против современности, неприятие нового глобального мира, формирующегося в последние десятилетия. И все возможные интерпретации социальной технологии оказываются детерминированы новыми образами прошлого и будущего, рожденными отношением к вышеуказанным процессам.

Изменение отношения к будущему оказалось связано с изменением отношения к прошлому. Если прежде увлеченные идеями социального прогресса и поступательного развития человечества к идеалам гуманизма и просвещения общества, более или менее успешно вступившие на путь рационализации, надеялись переустроить мир на началах разума, то теперь само движение в этом направлении потеряло былую привлекательность. И вот уже общества, которые прежде напоминали лаборатории футуристического проектирования, сегодня все более походят на клубы исторической реконструкции, где потребность в сохранении уходящего или даже восстановлении утраченного доминирует и вытесняет все иные устремления. Само развитие теперь является в образе восстановления, реконструкции, возрождения. Начались усиленные поиски идентичности индивидами и коллективами, этноконфессиональные группы стали выяснять свою роль в новом глобализирующемся мире, стремясь использовать «семантические» ресурсы в новой борьбе за место под солнцем. Понятия личности и самосознания оказались малосодержательными и неконкурентными в описании происходящего. «Идентичность» превратилась в концепт, открывающий доступ к символическому капиталу не только прошлого, но и будущего.

Любопытно, что процессы социальных изменений принято разделять на естественные и неестественные. Так, Дж. Хис утверждает, что вестернизация — это всего лишь побочный эффект модернизации, возникающий в условиях либерализации. При этом он убежден в том, что именно процесс модернизации препятствует конвергенции ценностных систем различных стран, мешая их естественному развитию [Heath 2004, 685].

Индивиды или целые группы сталкиваются с угрозой их интересам, исходящей от новой техники, глубинных социальных изменений, носящих глобальный характер. И они решаются на явные или скрытые действия, цель которых — сохранение существующей ситуации любой ценой. Цель поставлена, но ее достижение оказывается сопряжено с необходимостью изменения других подсистем и элементов социальной системы, например, предельного упрощения, то есть архаизации механизмов принятия решения. Если прежде эти механизмы включали в себя научное обоснование, независимую экспертизу, разделение ответственности, то в ходе архаизации все эти детали оказываются ненужными и даже опасными, препятствующими реализации интереса, — цель уже определена совсем иными обстоятельствами, удаляющими саму ситуацию выбора.

Заключение

Социальная архаизация всегда происходит или проводится во имя сохранения жизненно важных параметров повседневности, во имя адаптации социума к изменившимся условиям, во имя индивидуального и коллективного выживания. Две формы социальной жизни, которые без преувеличения можно назвать первичными, — это выживание и обогащение. Противопоставить им в качестве нормальной или желательной жизни следует гармонию и/или реализацию. Не вдаваясь в анализ многообразия этических, психологических и философских концепций счастья, гармонии или реализации, можно только сказать, что именно с ними ассоциируется поступательная модернизация или, говоря в терминах классической философии, устойчивое развитие. А вот о выживании и, как это ни покажется странным, удивительном спутнике выживания обогащении следует

поговорить особо, потому что именно эти формы жизни неразрывно связаны с феноменом социальной архаизации.

Социальная архаизация, несомненно, сопровождается архаизацией сознания, архаизацией символического универсума жизненного мира. Архаизация сознания может являться в разных формах, но все многообразие этих форм можно свести к давней идее «футурошока» или скорее «модерношока», то есть шоковой встречи с «неожиданной современностью». А также к осознанному или неосознанному поиску путей выживания, суть которого в упрощении, потому что выживание — это всегда мобилизация предельных ресурсов организма, их эксплуатация в чрезвычайном режиме, минимизирующая структурность средств и возможностей. Вот тогда-то и происходит содержательная, а не формальная архаизация.

Итак, архаизация представляет собой стремление изменить нечто в структурах, институтах и других элементах общественного порядка во имя сохранения культурной целостности, во имя сбережения жизненного мира, его ценностей, образов и смыслов. Не осознав это, исследователи никогда не смогут понять природу и сущность данного явления.

Primary Sources

Flynn, Michael T., Ledeen, Michael (2016) *The Field of Fight: How We Can Win the Global War Against Radical Islam and Its Allies*, Macmillan Publishers.

Heath Joseph (2004) "Liberalization, Modernization, Westernization", *Philosophy & Social Criticism*, Vol. 30, № 5–6, pp. 665–690.

Mead, Margaret, Wolfenstein, Martha (1955) *Childhood in Contemporary Culture* (eds.), The University of Chicago Press, Chicago, pp. 299–300.

Walder, Andrew G. (1984) *Communist Neo-Traditionalism. Work and Authority in Chinese Industry*, University of California Press, Berkeley.

Weber, Max (1968) *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*, Vol. II, University of California Press, Berkeley.

Zaslavsky, Victor (1995) "Contemporary Russian Society and its Soviet Legacy: The Problem of State-Dependent Workers", *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*, Ed. Bruno Grancelly, Walter de Gruyter, Berlin, New York, pp. 45–62.

Ссылки — References in Russian

Ахиезер 2001 — Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2. С. 188–189.

Ламажаа, Абдулаева 2014 — Ламажаа Ч.К., Абдулаева М.Ш. Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы // *Знание. Понимание. Умение*. 2014. № 3. С. 435–445.

Латов, Латова 2012 — Латов Ю.В., Латова Н.В. Имитационное планирование как институт российской модели национальной экономики (на примере ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России») // *Тетра Економісус*. Том 10. № 4. 2012. С. 8–29.

Лебедева, Харкевич, Зиновьева, Копосова 2016 — Лебедева М.М., Харкевич М.В., Зиновьева Е.С., Копосова Е.Н. Архаизация государства: роль современных информационных технологий // *ПОЛИС. Политические исследования*. 2016. № 6. С. 22–36.

Пржиленская 2012 — Пржиленская И.Б. Преобразование социального жизненного мира России. От герметизации и колонизации к адаптации // *Философские науки*. 2012. №4. С. 79–92.

Пржиленский 2012 — Пржиленский В.И. Управление архаизацией: между этикой, телеологией и технологией // *Философские науки*. 2012. № 5. С. 9–19.

Пржиленский 2016 — Пржиленский В.И. Логика экстремизма: объяснение versus понимание // *Национальная безопасность / notabene*. 2016. № 3. С. 408–416.

Степанянц 2016 — Степанянц М.Т. Поиск национальной модели развития: обращение к архаике // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 6. С. 37–51.

Тощенко 2000 — Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // *Новая и новейшая история*. 2000. № 4. С. 3–15.

Федотова 2005 — Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Федотова 2016 — Федотова В.Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016.

Явлинский 2003 — Явлинский Г.А. Демодернизация: современная Россия, экономические оценки и политические выводы. М.: ЭПИцентр, 2003.

Social Archaization: Explication, Operationalization, Conceptualization*

Vladimir I. Przhilenskiy, Irina B. Przhilenskaya

Social archaization always occurs or is carried out for the sake of preserving the vital parameters of everyday life, for the sake of the society's adaptation to changed conditions, for the sake of individual and collective survival. The two forms of social life which without exaggeration can be called the primary ones, are survival and enrichment. Likewise, their opposites in terms of normal or desirable life should be harmony and/or realization. Without performing a deep analysis of the diversity of the ethical, psychological and philosophical concepts of happiness, harmony or realization, we can only say that progressive modernization or – speaking in terms of classical philosophy – sustainable development is associated exactly with them. However, survival and (strange as it may seem) its remarkable companion – enrichment – should be discussed separately, because these are the forms of life that are inextricably linked with the phenomenon of social archaization.

Thus, the archaization of survival is the desire to change something in the structures, institutions or values of the public order – changes occurred and are occurring in all societies, albeit at different rates. Here we are looking at the changes which in a certain sense are forced, i.e. the decision-makers sacrifice something undoubtedly valuable and important for the sake of preserving something even more valuable and important, and ultimately for the sake of preserving the very subject of social action.

KEY WORDS: archaization, modernization, archaism, adaptation, social changes, rationalization.

PRZHILENSKIY Vladimir I. – Kutafin Moscow State Law University, 9, Sadovaya-Kudrunskaya str., Moscow, 125993, Russian Federation.

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Social-Economist Science of Kutafin Moscow State Law University.

vladprnow@mail.ru

PRZHILENSKAYA Irina B. – Moscow State University of Education, 1/1, M. Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation.

DSc in Sociology, Head of the Department of Culturology of Moscow State University of Education.

prz-irina@mail.ru

Received at September 25, 2018.

Citation: Przhilenskiy, Vladimir I., Przhilenskaya, Irina B. (2019) "Social Archaization: Explication, Operationalization, Conceptualization", *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2019), pp. 37–48.

DOI: 10.31857/S004287440005054-4

* This article was written as part of scientific research Project 29.4813.2017/8.9, commissioned by the RF Ministry of Education and Science.

References

- Akhiezer, Alexzander S. (2001) "Archaization in Russian Society as a Methodological Problem", *Social Sciences and Modernity*. Vol. 2 (2001), pp. 188–189 (in Russian).
- Fedotova, Valentina G. (2005) *Good Society*, Progress-Tradition, Moscow (in Russian).
- Fedotova, Valentina G. (2016) *Modernization and Culture*, Progress-Tradition, Moscow (in Russian).
- Lamazhaa, Chimiza K., Abdulaeva, Medina Sh. (2014) "Archaization and Neo-traditionalism. Russian Regional Forms", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, Vol. 3 (2014), pp. 435–445 (in Russian).
- Latov, Yuriy V., Latova, Natalia V. (2012) "Simulation Planning as the Institute of the Russian Model of the National Economy (on the Example of the FTP 'Scientific and Scientific-pedagogical Staff of Innovative Russia')", *Terra Economicus*, Vol. 10, № 4. pp. 8–29 (in Russian).
- Lebedeva, Marina M., Kharkevich, Maxim V., Zinovieva, Elena S., Kuposova, Ekaterina N. (2016) "Archaization of the State: the Role of Modern Information Technologies", *Polis*, Vol. 6 (2016), pp. 22–36 (in Russian).
- Przhilenskaya. Irina B. (2012) "Transformation of the Social Lifeworld of Russians. From Encapsulation and Colonisation to Adaptation", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, Vol. 4 (2012), pp. 79–91 (in Russian).
- Przhilenskiy, Vladimir I. (2012) "Management of Archaization: between Ethics, Teleology and Technology", *Filosofskie Nauki*, Vol. 5 (2012), pp. 9–19 (in Russian).
- Przhilenskiy, Vladimir I. (2016) "The Logic of Extremism: an Explanation versus Understanding", *Nacional'naya Bezopasnost' / nota bene*, Vol. 3 (2016), pp.408–416 (in Russian).
- Stepanyants, Marietta T. (2016) "Search for a National Development Model: an Appeal to the Archaic", *Polis*, Vol. 6 (2016), pp. 37–51 (in Russian).
- Toshchenko, Zhan T. (2000) "Historical Consciousness and Historical Memory. Analysis of the Current State", *Novaya i Noveishaya Istoriya*, Vol. 4 (2000), pp. 3–15 (in Russian).
- Yavlinsky, Gregory A. (2003) *Demodernization: Modern Russia, Economic Assessments and Political Conclusions*, EPItsentr, Moscow (in Russian).